

**МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОВОРОТ В РОССИИ В XIX–
XX ВЕКАХ И МОИ ПОВОЛЖСКИЕ ПРЕДКИ В ЕГО КОНТЕКСТЕ**

A.G. Rogachev

**MODERNIZATION TWIST IN RUSSIA IN THE XIX–
XX CENTURIES AND MY VOLGA ANCESTORS IN THIS CONTEXT**

В данной статье рассматриваются проблемы общественной модернизации России в контексте истории одной поволжской семьи. Российская историческая модернизация до февраля 1917 г. тесно связана с монархической формой правления. На этом пути имели место и крупные достижения, и серьезные провалы. Реформа Александра II, отменившая крепостную зависимость помещичьих крестьян, дала мощное ускорение социально-экономическому развитию России на 55 лет. Пореформенное время оказалось противоречивым по своим общественным последствиям. Так, в традиционных российских аграрных регионах, например в Саратовской губернии, резко усилилось аграрное перенаселение, существенно сократились крестьянские земельные наделы. Этот процесс отражает как статистика, так и история отдельных крестьянских семей. Царский Манифест 17 октября 1905 г. дал народу буржуазные свободы и законодательную Думу. Чуть позднее развернулась аграрная Столыпинская реформа. Но в неприкосновенности остался класс помещиков. Поэтому бунтарский дух в деревне продолжал разрастаться и после революции 1905–1907 гг. Вторая российская революция 1917 г. смела с социально-политической карты страны царизм, помещиков и дворян, а заодно с ним и российскую буржуазию. Дальнейшая советская модернизация пошла другим путем. Её заложником и жертвой стало российское крестьянство. Коллективизация и раскулачивание 1930 г. («революция сверху и снизу») нанесли тяжелейший удар по экономически активным, наиболее трудоспособным людям деревни. Как на все это реагировали сами крестьяне? Видимо, по принципу «на все божья воля!». В годы Великой Отечественной войны крестьяне героически сражались на фронте и самоотверженно трудились в тылу. Об этом рассказывает история каждой семьи. Тяжелейшие испытания продолжались и в послевоенный период. Но, как показывает история российской повседневности, трудности, как правило, сплывали отдельные семьи. Существовала мощная внутрисемейная и межсемейная взаимовыручка: между родственниками, земляками и даже малознакомыми людьми. Таким путем нашей стране удалось выстоять в целом и провести необходимую для того времени модернизацию индустриальной экономики.

Ключевые слова: *российская модернизация, великая крестьянская реформа 1861 г., пореформенное время, первая и вторая россий-*

ские революции, коллективизация, кулаки и раскулачивание, Великая Отечественная война, крестьянская семья, православная религия.

This study deals with the problems of social modernization of Russia in the context of one Volga family history. Russian historical modernization until February 1917 was closely connected with monarchical form of government. There have been major achievements and major failures along the way. The reform of Alexander II, abolishing landlords' serfdom, gave powerful acceleration of socio-economic development of Russia for 55 years. Post-reform time was controversial in its social consequences. So in traditional Russian agricultural regions, for example in Saratov province, agricultural overpopulation increased dramatically, significantly reducing peasant land plots. This process reflected both statistics and history of individual peasant families. The Tsar's Manifesto on October 17, 1905 gave the people bourgeois freedoms and legislative Duma. A little later, Stolypin's agrarian reform was launched. But in inviolability there was the class of landowners. Therefore, rebellious spirit in the village continued to grow after the revolution of 1905–1907. The second Russian revolution of 1917 washed away tsarism, landowners and nobles, and Russian bourgeoisie at the same time from socio-political map of the country. Further Soviet modernization went the other way. Its hostage object and victim was Russian peasantry. Collectivization and dispossession of 1930 ("revolution from above and from below") made severe blow to the most economically active able-bodied people of the village. How did peasants themselves react to all these? Apparently with the help of "on all's God's will!" in the days of Great Patriotic War peasants heroically struggled at the front and selflessly worked in rear. The history of each family testifies about it. The hardest trials also proceeded during post-war period. But, as the history of Russian daily occurrence shows, difficulties, as a rule, rallied separate families. There was powerful intra family and interfamily mutual assistance: between relatives, fellow countrymen and even unfamiliar people. In such a way our country managed to stand in general and to carry out modernization of industrial economy necessary for that period of time.

Keywords: Russian modernization, great peasant reform of 1861, post-reform time, first and second Russian revolutions, collectivization, kulaks and dispossession, Great Patriotic War, country family, orthodox religion.

Существенным недостатком советской историографии являлось отсутствие в ней реальных действующих лиц из народа. По марксистской традиции, народ представлялся «революционной массой», движущей силой истории. Конечно, народу предлагались герои (особенно из рабочего класса), делавшие революции, побеждавшие в боях с классовым врагом, строящие новую жизнь. Но в 1917 г. в России насчитывалось

около 2 миллионов квалифицированных рабочих, тогда как крестьян более 100 миллионов человек (поволжские, украинские, белорусские, курские, орловские, уральские, сибирские). К сожалению, в советской историографии не рассматривались судьбы отдельных крестьян и их семей.

Автор статьи посвятил целый ряд своих научных работ проблемам российской исторической модернизации [1]. Обычно её начало связывают с деятельностью Петра I. Однако петровская модернизация – это лишь один из вариантов отечественного ускоренного развития, имевшего колоссальные издержки материального и человеческого характера. Справедливости ради нужно признать, что серьезным фактором российской модернизации в досоветский период являлась сама монархия, так как все изменения в России производились только «сверху», тогда как влияние «снизу» было слишком опосредованным и противоречивым.

Один из видных русских исследователей и поборников монархизма Л.А. Тихомиров в 1905 г. в книге «Монархическая государственность» подчеркивал, что монархия имеет очевидное превосходство перед демократией, так как основана на верховной власти идеального принципа. В свою очередь, из-за невозможности единства народной воли верховную власть при демократии отличают шаткость, переменчивость, неосведомленность, капризы и слабость, которые в монархии являются исключением. Демократия, по его мнению, враждебна влиянию нравственной силы [2].

При несовпадении взглядов историков на деятельность императора Александра II следует признать, что именно после принятия им 19 февраля 1861 г. Манифеста «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» в России произошла отмена крепостного права и начался ускоренный переход от традиционного аграрного общества к индустриальному.

В статье поставлена задача рассмотреть изменения в жизни российских крестьян в контексте российской истории и процесса модернизации на примере моей семьи на хронологическом промежутке в 110 лет. Его первая часть охватила досоветский период с 1861 по 1917 г., вторая часть – советский период с 1917 по 1972 г. (год празднования 50-летия образования СССР). Выражаю надежду, что история конкретных и близких мне людей поможет читателю лучше, объемнее представить это историческое время и понять его суть.

Я посвящаю свои заметки памяти моей матери – Рогачевой (Тюревой) Раисе Алексеевне. На протяжении многих лет я слушал и впитывал в себя её рассказы о наших предках. Эти материнские былины во многом определили гуманитарно-историческую направленность моего образования, а затем и профессиональной деятельности. Я хочу рассказать о её

поволжских дедах и моих прадедах: Тюреве Александре Ивановиче и Звёнкине Иване Филипповиче.

Сам я родился 11 декабря 1949 г. в городе Вольске на берегу великой русской реки Волги. Мамино место рождения – деревня Лопуховка, расположенная в 60 километрах от Вольска, некогда принадлежащая помещику Лопухову. Теперь от нее остался старый погост, на котором покоятся Тюрев Александр Иванович и его супруга, моя прабабушка Наталья. Таким образом, жизнь моих предков оказалось тесно связанной с Лопуховкой и Вольском.

Историки, общественные деятели считали, что дубинка крестьянской реформы ударила одним концом по барину, а другим по мужику. Реформа оказалась половинчатой, осторожной, слишком консервативной. Новые сельские общества, созданные для управления крестьянством, не давали возможности социально-активным элементам строить жизнь на основе буржуазных отношений. Не получилось и капиталистического развития помещичества.

Отмена крепостного права безусловно сказалась на Поволжье, в частности на многонациональной и перенаселенной Саратовской губернии. До крестьянской реформы она испытала наплыв переселенцев из центра России, после которого начался отток избыточного населения в другие регионы страны. Согласно переписи 1897 г., здесь проживало 2405829 человек, из которых две трети считали себя русскими (всего славян было 83,1 %); 6,92 % – немцами; 5,15 % – мордвой; 3,94 % – татарами [3].

В Вольском уезде, где жили мои предки, славяне составляли 94,61 % населения [4]. Немцы, как правило, жили на левом берегу Волги, чуваша и татары на правом. Сближению с татарами препятствовали различия в религии. Немцы жили обособленно. А вот с чувашами христианами сближение оказалось вполне естественным. Так в нашей семье проявилось существенное чувашское этническое влияние.

В пореформенный период в условиях общинного землевладения в наиболее густонаселенных Сердобском, Вольском, Саратовском уездах из-за роста населения шло очень существенное сокращение крестьянских наделов. Крестьянские общества могли приобретать землю, но рост населения явно опережал возможности земельного рынка. Тем более что он ускорился после проведения земской и судебной реформ, когда в поволжской деревне появились земские агрономы, учителя, врачи. Но рост населения, к сожалению, сопровождался обострением социальных проблем и противоречий.

Несмотря на то что Саратовская губерния считалась одной из житниц России, многие крестьяне ее перенаселенных деревень жили на грани нищеты и голода. За 50 с лишним лет (1871–1925 гг.) губерния 19 раз страдала от голода, в двух из трех случаев причиной этого становилась засуха [5]. Это толкало население на выступления против власти.

По воспоминаниям моей мамы, мой прапрадед Иван, спасаясь от рекрутчины, пошел в волжские бурлаки. Он обладал огромной силой, запросто вытаскивал на себе из трюма баржи 10-пудовый груз. Его сын, мой прадед Александр Иванович Тюрев, родился примерно в 1870 г., тогда же, как и другой поволжский мальчик Володя Ульянов. Мой прадед, скорее всего, окончил церковную приходскую школу, так как со временем стал церковным старостой, то есть был человеком грамотным. Володя Ульянов, который вырос в дворянской семье, затем перевернул судьбы всех россиян, в том числе и моих предков. Он читал переведенный в 1872 г. на русский язык народником Германом Лопатиным «Капитал» Карла Маркса. Мой прадед, Александр Иванович, такие книги не читал.

Своеобразное знакомство с марксизмом-ленинизмом у него произошло только в 30-е годы XX века, когда стали доставлять в вольскую тюрьму заключенных за приверженность к христианской вере и отказ от вступления в колхоз. Александр Иванович и представить не мог, что его правнук, автор этих строк, станет в 1971–1972 гг. стипендиатом студенческой стипендии имени Карла Маркса. Моего прадеда и Владимира Ильича Ульянова, позднее Ленина, пожалуй, объединяла лишь нелюбовь к «чумазым лендлордам», капиталистам и богачам. Только прадед стремился преодолеть несправедное устройство жизни молитвой, а В.И. Ульянов-Ленин хотел это сделать революционным путем и на время сам уподобился земному богу.

В юности Александр полюбил девицу Наталью, которую я помню степенной старушкой, какой она была во второй половине 50-х гг. XX в. За острый ум сын Гриша называл её У. Черчиллем. Молодожены вскоре из соседней деревни Лондона бежали в Лопуховку от преследований некого Никана, который сильно «приударял» за Натальей.

Гриша родился где-то в 1889 г. и являлся первенцем у семейной пары Александра и Натальи. Он был очень резким, решительным и крутым, как кипяток. Попытки обучить его в школе положительных результатов не дали. Семейный анекдот по этому поводу: «Гришенька, смотри буквы – м–а–м–а – скажи, что получается?» – «Шапка» – бодро отвечал юный Гриша.

В Первую мировую войну солдат Григорий Тюрев отличился завидным героизмом и стрелял в австрийцев так, что винтовку приходилось охлаждать в Днестре. Из австрийского плена бежал; когда беглеца поймали, то подвесили в наказание за ноги. Мне он запомнился тем, как ловко считал деньги за проданную корову, умело загибая их в разные стороны. Дед Гриня умер где-то в конце 50-х годов.

Мой дед Алексей Александрович, брат Григория, родился примерно на десять лет позже, а умер раньше – в 1954 г. Он отличался кротким, покладистым характером. Помню, как я бежал к нему навстречу, к калитке сообщить «важную новость» о приезде в Москву румынского руководителя, кажется Петра Грозу, председателя Президиума Верховного

Национального Собрания Румынии. Об этом я услышал из нашего репродуктора, который вещал непрерывно в дневное время. Так получилось, что мое политико-историческое образование стало складываться под влиянием радио. Читать тогда я ещё не умел, а первый телевизор появился у нас в доме только в 1962 г.

Мой прапрадед Иван до конца своих дней отличался недюжинной силой. Однажды незадачливый внучок Гриша прибежал к дедушке с жалобой на обидевших его взрослых парней. Дед пошел разбираться и, несмотря на преклонные годы, перебросил дюжего обидчика через себя, как пушинку.

Мой прадед Александр Иванович пользовался уважением у сельчан. Однажды, когда помещица решила продать свою землю в Лопуховке «лопуховскому опчеству», его включили в состав крестьянской делегации на встречу с хозяйкой земли. Сложность заключалась в том, что на эту землю претендовал местный богатей Юренко. Члены делегации сняли для барыни номер в Гостином доме в Вольске. А так как пароход, на котором она должна была приехать, сильно запоздал, то Александр Иванович мирно проспал в своей телеге до возвращения из гостиницы всех остальных участников исторического действия. По этой причине он страшно переживал, а жена Наталья над ним постоянно подшучивала. Но, слава богу, землю для общества купить все-таки удалось.

Вторым моим прадедом был Иван Филиппович Звёнкин. Его отец Филипп по христианской вере являлся беспоповцем – левяком. Однако поповцы и беспоповцы довольно часто «меняли» веру в период женитьбы или замужества, и большого греха в этом не видели. Его мама Екатерина в детстве слушала в церкви императорский Указ Александра II 1861 г. об отмене крепостного права.

Иван Филиппович, мой прадед, был первенцем, родился примерно в 1880 г. Эпидемия скарлатины унесла его отца и младших братьев. Он же полоскал горло керосином и, может быть, благодаря этому и выжил. Когда ему стукнуло десять лет, его дядья, братья его отца Филиппа, приставили сироту Ивана к сохе – пахать землю. За кривые борозды били в кровь, это были его первые университеты. Грамоту он постигал уже в 77 лет вместе со мной, первоклассником. Обладал очень острым умом и добрым характером. Никогда не употреблял матерные слова. Эмоции выражал словами «в зенки глаз, собачья морда».

Однажды, когда в дороге порвалась лошадиная упряжь и ее долго чинили, спутник-купец ради развлечения предложил ему царский рубль, чтобы он матерно выругался. Иван ответил: «Прости, но я не умею». Где-то в конце XIX века Иван по своим левяцким христианским законам стал мужем моей прабабушки Анастасии Ивановны. Она успела ещё меня понянчить. Мама моя говорила, что они тайно крестили меня по своим заповедям.

Моя бабушка Мария Ивановна была их единственным ребенком. Так как землю в общине давали только на мужчин, то Иван Филиппович

вынужден был постоянно батрачить за пределами Лопуховки. Он очень красочно рассказывал про обычаи немецких колонистов, завезенных в Поволжье еще Екатериной II. Они посадили нового работника за стол, подали жареную свинину с хлебом и сказали: «Ешь, Иван, много ешь. Кто много ест, тот хорошо работает».

Он рассказывал, что немецкие дети воспитывались строго, в трудолюбии. Мальчики собирали камни, из которых затем вместе с отцами выкладывали каменные дорожки. Вдохновленный этим рассказом прадеда, я тоже собрал камни в своем переулке, а потом уже с матерью мы их забетонировали в удобную дорожку во дворе.

Прадед во время своих странствий по Заволжью научился пекарскому делу, эта профессия потом не раз спасала его и семью от смерти в жестокое лихолетье.

Первая русская революция в Саратовской губернии проходила в очень острой форме. Крестьянские беспорядки, толчок которым дали два неурожая подряд, начались в конце лета 1905 г. Царский Манифест царя 17 октября 1905 г., даровавший буржуазные свободы, ещё более накалил социальную обстановку. В городах начались погромы евреев, интеллигентов, учащихся, бунтующих рабочих. В Саратове во главе погромщиков стоял епископ Гермоген, связанный с Григорием Распутиным [6]. В этой ситуации саратовский губернатор П.А. Столыпин впервые в России использовал войска для «успокоения» населения.

В нашей семье запомнился рассказ Ивана Филипповича о том, что местный жандарм на станции городка Ершов, где осенью 1905 г. высадился из поезда Иван Филиппович, спрашивал у приезжих, к какой они партии принадлежат. Прадед простодушно ответил ему: «Пекарь я!» В эти времена он отказался от предложения своих дядьев в Вольске пойти бить бастующих учащихся. «В зенки глаз! Идите бейте сами, если есть охота».

Но в бытовые разборки он иногда вмешивался. Как-то Иван шел по Вольску и увидев, как муж учит по-свойски гулящую жену, предложил добавить ей еще леща за прегрешения. Однако муженек набросился на Ивана. Даже получив отрезвляющий удар, никак не мог угомониться. Так вместе и «дошли» до полицейского участка, где и оказались вдвоем в подвале для арестованных. На вопрос одного из сокамерников о причинах его задержания, Иван пошутил, что за фальшивые деньги. Когда сокамерник попросил научить его делать фальшивые деньги, Иван сам «поучил» незадачливого сидельца, пока наблюдавший в глазок городской не сказал: «Хватит!»

Но в домашних условиях Иван был человеком добрым. Прабабушка Настя рассказывала моей маме: «Нет, Ваня меня никогда не бил! Придет пьяненький, кулаком немного ткнет для порядку – и хватит!» По сравнению с ее отцом это была «тишь да гладь». От пьяного папаши моей прабабушке до замужества приходилось прятаться у соседей. А всю живность он выбрасывал на мороз.

Перед Первой мировой войной Иван с Анастасией и маленькой Марией поселились в Вольске, сняли каменный полуподвал, стали печь хлеб и сдавать его в купеческую лавку. На предложение местного купца Меркулова взять у него денег и открыть свою торговлю прадед ответил решительным отказом. Перед Первой мировой войной они с супругой накопили около 3 тыс. рублей для покупки собственного домика. Но Ивана Филипповича призвали на трудовой фронт, так как воинскую службу он не проходил как «одинец», единственный сын у матери. Так он оказался в Николаеве-на-Мурмане (сейчас город Мурманск), куда к нему приехали Анастасия с Марией. По их воспоминаниям, в тот период они жили хорошо и сытно.

Первая мировая война и её последствия привели ко второй российской революции. Прежний путь модернизации окончательно себя исчерпал, по всей стране начались массовые революционные действия. В Вольске, самом крупном после Царицына Саратовском уездном центре, солдаты заключили в тюрьму наиболее ненавистных офицеров. Местная революционно настроенная интеллигенция сформировала общественный исполнительный комитет из меньшевиков, эсеров, народных социалистов и эсеров [7].

Развернувшаяся затем борьба между различными политическими и социальными силами в Вольском уезде шла с переменным успехом. Только в январе 1918 г. уездный съезд Советов провозгласил советскую власть. Но последующие несколько месяцев шли кровавые столкновения между пролетарскими революционерами и крестьянами, отказавшимися сдавать зерно даром [8].

Автор данной статьи подробно рассказывал о советской социалистической модернизации в России, в Советском Союзе [1]. Несомненно, она имела огромные социально-культурные достижения. Ценой огромных всенародных усилий удалось победить в Великой Отечественной войне, а затем восстановить и приумножить народное хозяйство. Но цена модернизационных успехов оказалась очень большой. Идея быстрого строительства коммунистического общества оказалась явной утопией и окончательно провалилась в 60-е годы XX в.

Ранней весной 1917 г., после падения самодержавия, Иванова родня и все остальные лопуховцы из Мурмана бежали, так как посчитали, что его захватят англичане. Ивана Филипповича отпустили со службы в октябре 1917 г. Он ехал через Петроград уже при большевистской власти. Предприимчивые люди организовывали экскурсии для приезжавших в столицу. Ему запомнились кони на Аничковом мосту. А в Москве – Кремль, Царь-пушка и Царь-колокол. И запомнились ещё убитые люди во рву перед Кремлем, который незадолго до этого взяли штурмом большевики.

У Александра Ивановича Тюрёва тогда с империалистической войны вернулся сын Григорий, а в 1918 г. красные призвали в свою армию его 19-летнего сына, моего деда Алексея. После того как деникинцы раз-

били его часть, он вместе с другими земляками бежал в родную Лопуховку. Здесь их вновь призвали на воинскую службу.

Служил Алексей Александрович прожектористом в Петрограде и, видимо, участвовал в подавлении в 1921 г. Кронштадтского мятежа. Тогда, судя по описанию тех событий, прожектора использовались против мятежных кораблей. Так как с участников тех событий брали подписку о неразглашении, то Алексей дома ничего не рассказывал. От сверхсрочной службы в Петрограде отказался и устремился опять домой, где его ждала моя будущая бабушка Мария.

Семьи Тюревых и Звёнкиных как-то пережили страшный голод 1921–1922 гг. в Поволжье. Но на дороге их сближения стояла расхождение религиозного характера. Путь был только один, Марии предстояло принять церковное крещение. Она под благовидным предлогом осталась дома, когда родители уехали на ярмарку в соседнее село. Но в церковной купели оказалось недостаточно воды для обряда крещения взрослой девушки. Алексей Александрович побежал к колодезю, от волнения едва сам в него не упал и сильно ушибся. Мария во время таинства крещения сильно простыла и потом долго болела.

Во время венчания в церкви родня другой претендентки на руку и сердце Алексея Александровича попыталась сорвать проведение обряда, заявляя, что он проводится самовольно, без разрешения отца. Но процедура уже совершилась. Когда о венчании сообщили вернувшемуся Ивану Филипповичу, он в своем стиле выразился так: «В зенки глаз. Я бы их в венцах по всей деревне велел провести!» Зять ему нравился, и они всегда жили дружно.

В годы новой экономической политики развитие событий проходило довольно спокойно. Работали много, отец Иван заставлял вкалывать с фанатизмом. Но накануне 1930 г. прадеда записали в кулаки и лишили права голоса на выборах. Так как он приютил и воспитывал какого-то подростка, то это расценили как эксплуатацию. После этого пьяненький Иван Филиппыч ходил по деревне и кричал: «Вот мой голос!» Но в семье Тюревых с тех пор сделали вывод насчет трудоголизма.

Отношения между Иваном и двоюродным братом Кузьмой ухудшились в начале 1930 г., когда во время масляной недели они по какой-то причине подрались друг с другом. Воспользовавшись этим, постоялец – двадцатипятилетний от большевистской партии, квартировавший у Ивана с Анастасией, предложил им Кузьму посадить. Подвыпивший на гуляньях Иван, не вникая в суть вопроса, поставил свою закорючку на написанной постояльцем бумаге. Что там было написано, неизвестно, но утром Ивана и Кузьму арестовали, и суд-тройка дал им по десять лет лагерей.

Как боевой красный партизан, Кузьма на Урале с эшелона сбежал. Ивана Филипповича привезли во Владивосток и бросили на работу в угольную шахту. Здесь его нашел земляк, бывший помещик Бахметьев, который на Дальнем Востоке ранее отбывал царскую каторгу. Род Бах-

метьевых был неоднозначно активным. В нем были великие ученые, ка-торжники, революционеры. Н.Г. Чернышевский писал в романе «Что делать?» о Рахметове (Бахметьеве) и его подвигах.

Бахметьев принес прадеду мешок сухарей, благодаря которому ему удалось 4 месяца продержаться до того момента, как неожиданно при-шло распоряжение главы государства М.И. Калинина о его освобожде-нии. Кузьма добрался до калининской приемной, где еще в 1930 г. «де-душка» М.И. Калинин имел возможность «баловать чаем» ходоков.

Он получал тогда очень характерные письма из разных регионов страны с жалобами на произвол властей. «Михаил Иванович, Вы, может быть, до сих пор ничего не знаете, как сосланные кулаки из Украины, Курска и других мест на севере мучаются и переживают неслыханные издевательства над ними и над их детьми. Другие страдают совершенно невинно, но если есть и виновные, так дети тут ни при чем....Михаил Иванович! Ведь все люди, и зачем же с нами обращаются хуже, чем со щенятами? Чем обрекать на такие страдания, если они провинились, лучше пристрелить...» [9]. Таких просьб-жалоб на имя Калинина прихо-дило очень и очень много.

Между тем Иван Филиппович вернулся в Лопуховку, где его встре-тил секретарь местной партячейки Тарарам, получивший это прозвище за то, что ходил по деревне и напевал все время «тарарам, тарарам, та-рарам». Тарарам забрал у Ивана Филипповича документ об освобожде-нии. Но когда со временем представители «компетентных» органов по-требовали от Ивана Филипповича документы об освобождении, то из-за их отсутствия прадеду, как потенциальному врагу народа, добавили еще 5 лет с отбыванием в лагерях и отправили на строительство Беломорка-нала. Прабабку Анастасию отправили отбывать наказание во Фрунзе, ко-торый позже был переименован в Бишкек.

Удивительно, но Иван Филиппович и его супруга зла на Тарарамку не держали, так как он был человеком вполне искренним и идейным, плакал при исполнении партийного и государственного гимна «Интер-национал».

Перед войной, уже в Вольске, Тарарамка заходил к ним в гости. Прабабушка выдала ему чистое нижнее белье по причине отсутствия та-кового у бывшего партийного деятеля. Накормила его и спать уложила. Из партии Тарарамку, кажется, уже к этому времени «вычистили», и по-гиб он, видимо, на фронте в годы войны.

Иван Филиппович свои пять лет на строительстве канала отработал за три года. Жил там неплохо, был пекарем. Затем опять вернулся до-мой, но жить в Лопуховке, как «врагу народа», ему запретили.

Мой дед Алексей и бабушка Мария (дочь Ивана) еще в 1930 г. сбе-жали от коллективизации в Туркмению на Каспийское море, где дед ры-бачил, а бабушка моя работала на рыбном промысле. Жили в городке на сваях. Через некоторое время они смогли забрать к себе мою маму, кото-рая временно оставалась с дедом Александром Ивановичем и бабушкой

Натальей. Мама помнила, как её возили в Вольск в 1930 г., где в это время ломали главный центральный церковный Собор, который сейчас восстановлен.

В 1934 г. на Каспийское море перевезли Ивана Филипповича с его мамой Екатериной, которой было за 80 лет. В 1935 г. ее похоронили недалеко от иранской границы.

В свайном поселке действовал казарменный коммунизм, так как на члена семьи выделялось две с половиной половицы деревянного пола. При трех членах семьи – соответственно 7,5 половиц и ситцевые занавески с двух сторон. Но жизнь, при наличии разнообразной рыбы, хлеба и риса, была сытной. В Туркмении не было такого жесткого нормирования, как в России. Прадедушку моего Ивана хотели даже направить в санаторий в Гагры, поскольку признали у него ожирение.

Однако вскоре деда, как врага народа, заставили выехать из пограничной зоны. Жизнь в Красноводске по климату не подошла Марии Ивановне, к которой с большим трудом в полуживом состоянии переехала из Фрунзе ее раскулаченная мать Анастасия Ивановна. Все вместе приняли решение ехать обратно на родину и в конце августа 1936 г. прибыли пароходом в Вольск.

Здесь они купили домик с участком в 12 соток. В 1937 г., боясь возможных репрессий, Алексей Александрович, которого, как человека грамотного, сельчане уговаривали стать председателем колхоза в Лопуховке, уехал рыбаком на Аму-Дарью. Там он пробыл два года, пока вал репрессий стал немного спадать.

Его отец, Александр Иванович, в 30-е годы пережил собственную трагическую одиссею. Так как он усердно молился Богу и в колхоз не вступал до 1938 г., то по доносу своего соседа как религиозный сектант ежегодно арестовывался и препровождался в тюрьму в Вольск. Спасибо начальнику (или начальникам) тюрьмы, что его не расстреляли и не придумали каверзной статьи. Через месяц обычно моего прадеда – этого кроткого богобоязненного человека, очередной начальник отправлял назад в Лопуховку со словами: «Пошел, дед, вон отсюда!» В свои 60 с гаком лет он за день проходил пешком 60 верст до Лопуховки. На следующий год картина повторялась: «Опять тебя, дед, к нам привезли!» Можно сказать, что неисчерпаемой оказалась доброта русской души даже у советского тюремного начальника.

В 1943 г. Александр Иванович заразился септической ангиной, так как ели старое просо из-под снега, зараженное мышами. Все в семье выздоровели, а он, ослабев во время очередного поста, скончался. Его внучка, моя мать Рая, приглашала его в начале 1943 г. в Вольск: «Дедушка, приезжай, у нас церковь открылась». – «Эх, внученька, не та это церковь», – ответил он.

Иван Филиппович в годы войны работал в Вольске грузчиком на мелкооптовой базе, возил товары на тележке. Всем там запомнились его

слова: «Эх, в зенки глаз, нагрузили на лошадь, мне тут не под силу, а вы на лошадь!»

Зятя Алексея призвали в армию, дочь Мария строчила на машинке «Зингер» по 5 гимнастерок в день. Внучка Рая училась в учительском институте. Держали корову, сажали картошку.

Для деда Ивана покупали хлеб на базаре, так как по скудным карточкам его не хватало. Без хлеба он не мог жить и работать. Он крошил в железную миску полбулки хлеба, заливал все это постными или скоромными щами и все съедал. Пил квас или шиповниковый отвар. Мы ходили с ним в кино. Помню полнометражный документальный фильм «Визит Хрущева и Булганина в Индию». А еще помню, как мы с ним по пути в это кино упали и искренне смеялись над своим падением.

А так как больше старших мужчин в доме не осталось, прадед с 7 лет стал водить меня в баню, потому что из женского отделения меня в 6 лет выставили. Он любил париться и меня повел в парильню, где все было как в густом тумане. Я упал в обморок от жары, прадед переживал сильно. Но все же постепенно приучил меня к парной. Запомнил его подтянутое голое тело, без живота, мускулистое, с деревянным кипарисовым крестиком на шее.

В 80 лет, где-то в конце марта 1960 г., он решил затащить на сеновал тяжелые чугунные трубы, чтобы не заржавели, и, видимо, сильно надорвался. Их потом молодые мужчины вдвоем с трудом снимали. Умер он тихо, спокойно. Попросил чистые носки, лег и как будто уснул. Таким я его увидел, придя из школы. Теперь он покоится вместе с супругой, дочерью, зятем и внучкой (моей мамой) на вольском кладбище. Ему даже не платили никакой пенсии. Он спокойно сообщал интересующимся: «Да года у меня не вышли, не заработал».

Мои поволжские предки не совершили великих деяний, но вся их жизнь, как и многих миллионов простых людей, попавших в водоворот российской истории и модернизации, стала настоящим подвигом. Россия – надломленная и оболганная революцией, лишенная традиционной веры, обманутая чужой идеологической утопией – в основном все же сохранилась. И в этом есть заслуга моих поволжских родственников, а также близких им людей. Их русские крестьянские семьи выстояли. И когда их рассеивали, они собирались вновь, выручая и спасая друг друга, а также оказывая помощь многим другим людям, может быть, даже тем, кто её не заслуживал. Поэтому мои предки являлись в некоторой степени людьми святыми, хотя и очень скромными.

Можно сделать вывод, что какие бы потрясения вдруг ни случались с Россией, какие преступления и глупости иногда и ни совершали подчас её правители, простые люди все-таки стояли, твердо защищая правду жизни. В этом, видимо, заключается формула непобедимости и устойчивости нашей страны, прочно подпитанная российским крестьянством.

Заключение. Я, под влиянием рассказов моей мамы и других родственников, литературы, кино, радио, телевидения, выбрал дорогу на

исторический факультет Саратовского государственного университета, который окончил в 1972 г. Помимо общего исторического образования получил специальную подготовку по истории КПСС. У нашей семьи, правда, была «собственная история ВКП (б) – второго крепостного права большевиков в России». Но места работы в вузах Поволжья для меня не нашлось, а в 1973 г. я уже стал преподавателем Красноярского государственного университета. Казалось, приехал на Енисей на время, а в итоге волжанин стал сибиряком, о чем, собственно, не жалею.

Литература

1. См. например, в следующих публикациях: *Рогачев А.Г.* Альтернативы государственной модернизации: сибирский аспект (1917–1925-е годы). – Красноярск, 1997; *Рогачев А.Г., Максимов С.В.* Динамика и модернизация российских социально-политических и экономических процессов 1917–1918 гг. на историческом поле Сибири. – Красноярск, 1999; *Рогачев А.Г.* Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925-е годы) / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск, 2008; *Рогачев А.Г.* Исторический опыт отечественных модернизаций в России V–XXI вв. – Красноярск, 2010; *Рогачев А.Г.* Исторические модернизации государства и права в России IX–XXI вв. / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2015; *Рогачев А.Г.* История Красноярского края с древнейших времен до современности: культура, экономика, быт, право и особенности управления: учеб. пособие / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2015; *Рогачев А.Г.* Актуальные вопросы отечественной истории: социально-политическое развитие общества и государства от Древней Руси до современной России: учеб. пособие / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2017.
2. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. – Репринт. изд. – СПб.: Комплект, 1992. – С. 667.
3. *Рейли Д.Дж.* Политические судьбы российской губернии – 1917 год в Саратове: пер. с англ. – Саратов: Слово, 1995. – С. 19.
4. Там же. – С. 21.
5. Там же. – С. 32.
6. Там же. – С. 48.
7. Там же. – С. 78.
8. Там же. – С. 312–313.
9. История Отечества в документах: хрестоматия для учащихся 1917–1993 гг. Ч. 2. 1921–1939 гг. / сост. *Л.И. Ларина.* – М.: ИЛБИ, 1994. – С. 107–108.

